

Годы службы моей въ Варшавскомъ учебномъ округѣ и эпизоды учебного быта ¹⁾.

(Воспоминанія педагога).

ГЛАВА IV.

Служба въ Петроковѣ.

Петроковъ принадлежитъ къ числу десяти губернскихъ городовъ Привислинскаго края и хотя онъ, по времени возникновенія, мало уступаетъ Калишу, но, какъ административный пунктъ, возникъ только съ раздѣленіемъ Царства Польскаго на десять губерній вмѣсто существовавшихъ прежде пяти. Онъ преобразованъ въ губернской городъ изъ незначительнаго уѣзднаго городка и такую честь обязанъ только своему центральному положенію среди вновь образованной губерніи. При образованіи Петроковской губерніи, честь быть губернскимъ городомъ оспаривали одновременно съ Петроковомъ, Ченстоховъ и Лодзь, но первый былъ забракованъ въ виду близости положенія его къ австрійской границѣ, а второй городъ—изъ опасенія, чтобы губернія не приняла рѣзко нѣмецкаго характера вслѣдствіе того, что этотъ городъ населенъ преимущественно лицами нѣмецкаго происхожденія и при томъ, въ большинствѣ, германскими подданными.

Хотя Петроковъ по учебникамъ географіи значителенъ расположеннымъ на рѣкѣ Стравѣ, но въ мое время не было въ Пе-

¹⁾ См. „Русская Старина“ іюнь 1913 г.

троковъ даже и признаковъ этой рѣки и остались развѣ только вещественныя доказательства существованія Стравы въ видѣ небольшого углубленія, напоминавшаго скорѣе канаву, нежели ложбину рѣки. Кромѣ отсутствія рѣки, Петроковъ отличался еще отсутствіемъ растительности.

Въ городѣ существовалъ единственный небольшой садъ, принадлежавшій побернардинскому монастырю, обращенный въ общественный садъ. Побернардинскій садъ, состоявшій исключительно изъ фруктовыхъ деревьевъ, давалъ мало тѣни, былъ расположенъ на покатой мѣстности и по своимъ свойствамъ не представлялъ ничего привлекательнаго для посѣтителей. Этотъ садъ, если и посѣщался, то только русскими и евреями; польское общество игнорировало его въ видѣ протеста противъ закрытія бернардинскаго монастыря и обращенія монастырской собственности въ городскую. Существовалъ еще небольшой скверикъ у станціи желѣзной дороги. Позднѣе при распланировкѣ города была насажена Александровская аллея, не очень бойко разраставшаяся, частныхъ же садовъ было мало.

По внѣшнему виду Петроковъ не отличался представительностію, но былъ городокъ чистенькій и довольно пріятный. Мостовыя были исправныя, тротуары асфальтовые. Улицы и тротуары, особенно тѣ, по которымъ губернаторъ совершалъ, за исключеніемъ городского сада, свою прогулку, отличались необыкновенною чистотою; ежедневно они сперва подметались, потомъ осматривались полицейскими, и въ двѣнадцать часовъ, передъ прогулкою по городу губернатора и его свиты, бургомистръ обходилъ улицы, по которымъ предполагалось шествіе губернатора, поднималъ замѣченные имъ на тротуарахъ окурки папирсъ и бумажки, и пряталъ ихъ въ карманы, ворчливо браня неопытныхъ гражданъ опекаемаго имъ города.

Петроковъ не отличался красотою зданій: возникши изъ небольшого уѣзднаго города, онъ началъ обстраиваться по типу небольшихъ провинціальныхъ городовъ; зданія были, большею частію, двухъэтажныя, ординарныя. Всѣ правительственныя учрежденія помѣщались или въ помонастырскихъ зданіяхъ или въ частныхъ домахъ, мало приспособленныхъ для нуждъ администраціи. Мужская гимназія помѣщалась въ пошарскомъ монастырѣ. Это монастырское зданіе во всѣхъ трехъ этажахъ имѣло по одну сторону широкіе и свѣтлые коридоры, а по другую сторону были расположены примыкавшія къ этимъ коридорамъ монастырскія келіи. Въ коридорахъ и келіяхъ потолки были сводчатые, не очень высокіе; вслѣдствіе того, что стѣны были

чрезвычайно толстыя, окна были глубокія и давали мало свѣта.

Въ этихъ келіяхъ помѣщались классы. Если прибавить къ этому, что скамейки въ классахъ были старыя, не только сбитыя гвоздями и планками, но въ нѣкоторыхъ мѣстахъ связанные даже веревками и притомъ доисторической конструкціи, то легко представить обстановку Петроковской гимназіи и ея педагогическія удобства. Когда намѣстникъ Царства Польскаго графъ Бергъ, при обзорѣннн Петрокова, посѣтилъ гимназію и инспекторъ Солнцевъ, обходя его по классамъ, выразилъ сожалѣніе, что гимназія не имѣетъ средствъ, чтобы приобрести новыя, болѣе удобныя скамейки, то добрый графъ скромно отвѣтилъ: „Я сидѣлъ въ классахъ на такихъ же скамейкахъ.“ Къ неудобствамъ классовъ Петроковской мужской гимназіи слѣдуетъ отнести и то, что они были необыкновенно холодны. Старыя допотопныя печи, если бы даже и топили ихъ, мало давали тепла, а при инспекторѣ Дембицкомъ классы, какъ по недостатку средствъ, такъ и по безполезности, будто бы, топки ихъ, не отапливались; вслѣдствіе этого въ классахъ было такъ холодно, что и учитель и ученики сидѣли не только въ пальто и шубахъ, но даже и въ галошахъ. Ученики жаловались на холодъ въ классахъ, а инспекторъ увѣрялъ ихъ, что печи настолько стары, что совершенно не грѣютъ. Чтобы доказать инспектору противное, ученики однажды сговорились, принесли въ классъ каждый по полѣну, изрядно растопили печь и достигли удовлетворительной температуры въ классѣ. Послѣ этого инспекторъ началъ протапливать классы, но не настолько чтобы въ классахъ было тепло, а для того только, чтобы было вещественное доказательство, что въ печахъ разводился огонь. Даже, когда гимназію посѣщалъ ревизоръ, начальникъ дирекціи или попечитель округа, ихъ превосходительствамъ рекомендовалось въ коридорахъ и классахъ не снимать пальто.

Въ общемъ, помѣщеніе гимназіи было очень тѣсное: когда предъ введеніемъ устава 1871 года, по которому полагается приготовительный классъ, инспекторъ Солнцевъ задумалъ устроить приготовительный классъ, то для него не нашли другого помѣщенія, какъ въ подвальномъ этажѣ, гдѣ находились квартиры сторожей, одна изъ которыхъ и была приспособлена подъ классъ.

При этомъ невольно вспоминается одинъ фактъ, связанный съ устройствомъ въ Петроковской гимназіи приготовительнаго класса. Для приспособленія квартиры одного изъ сторожей подъ

приготовительный классъ, потребовалось по смѣтѣ архитектора сумма 102 рубля съ копейками. Инспекторъ вошелъ съ соответствующимъ ходатайствомъ къ попечителю округа. И каково же было изумленіе гимназій, когда, чрезъ значительный промежутокъ времени, въ отвѣтъ на это представленіе, послѣдовало сообщеніе попечителя учебнаго округа, что Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу министра народнаго просвѣщенія, въ такой-то день, Высочайше повелѣть соизволилъ на отпускъ Петроковской гимназій 102 рублей съ копейками на приспособленіе помѣщенія для приготовительнаго класса. Достойно удивленія, что Государя Императора утруждали такимъ мелочнымъ дѣломъ, какъ ассигнованіе 102 рублей въ копейками на нужды гимназій.

Итакъ, изъ предыдущаго видно, что Петроковъ не блисталъ въ архитектурномъ и строительномъ отношеніи; красивѣе другихъ былъ костелъ побернардинскаго монастыря; изящнымъ внутреннимъ видомъ отличался костелъ поціарскаго монастыря; другіе два католическихъ храма, приходскій костелъ и костелъ бывшаго женскаго монастыря, были очень заурядны; послѣдній былъ закрытъ и зданія его были утилизированы для нуждъ администраціи—въ фронтальной части зданія помѣщалась женская прогимназія. Если помѣщеніе мужской гимназій было очень незавидно, то помѣщеніе женской прогимназій, въ развалинахъ бывшаго женскаго монастыря, было прямо бѣдственное: коридоры зданія были извилистые и разбросаны въ разныя стороны, классы небольшіе, съ низкими потолками и недостаткомъ воздуха и свѣта.

Среди всѣхъ строеній Петрокова выдѣлялась православная церковь, расположенная на главной улицѣ, съ обширнымъ погостомъ, огороженнымъ желѣзною рѣшеткою. Петроковская Всѣхсвятская церковь построена была въ сороковыхъ годахъ девятнадцатаго столѣтія. Православная церковь существовала въ Петроковѣ уже въ концѣ восемнадцатаго вѣка. Первыми пионерами православія въ Петроковѣ были греки. Во многихъ городахъ Польши торговля находилась въ значительной степени въ рукахъ грековъ; вслѣдствіе этого во многихъ городахъ Польши и, позднѣе Царства Польскаго, находились греческія колоніи; греки имѣли свои церкви, отправляли богослуженіе, но безъ внѣшняго оказательства, и греческія церкви помѣщались въ частныхъ домахъ. Въ Петроковѣ греческая церковь, до построенія Всѣхсвятской церкви, помѣщалась на второмъ

этажѣ зданія выходящаго на Рыночную площадь, въ которомъ впоследствии помѣщалась кондитерская Романа.

Церковь Всѣхъ-Святыхъ въ архитектурномъ отношеніи рѣзко выдѣлялась среди всѣхъ храмовъ Петрокова: она была о пяти главахъ; впоследствии, съ цѣлью расширенія церкви, была пристроена соединяющаяся съ нею высокая колокольня съ остроконечнымъ крытымъ по гранямъ листовымъ серебромъ шпиремъ, оканчивающимся золотымъ крестомъ. По стѣнамъ средняго яруса колокольня была украшена писаными масляною краскою живописными изображеніями во весь ростъ святыхъ: Николая Чудотворца, Александра Невского и др. святыхъ; колокола были небольшихъ размѣровъ, но отличались своимъ пріятнымъ тономъ. Такъ же красивъ былъ иконостасъ и внутреннее убранство церкви.

По тогдашнему времени Петроковъ рѣзко выдѣлялся церковію среди другихъ губернскихъ городовъ Царства Польскаго; даже въ Канинѣ церковь помѣщалась въ зданіи, видимо приспособленномъ подъ храмъ, находилась внутри двора и не имѣла внѣшняго представительнаго вида. Но, къ сожалѣнію, благолѣпію храма не соответствовало, особенно въ первые годы пребыванія моего въ Петроковѣ, отправленіе богослуженія: церковнаго хора не было, и пѣли въ церкви два безграмотныхъ причетника, обыкновенно не попадавшіе въ тонъ. Настоятелемъ церкви былъ отецъ Матвѣй В—скій, безкорыстный и кроткій пастырь. Хотя онъ не происходилъ изъ униатовъ, но долгое пребываніе его въ польской средѣ, въ пятидесятыхъ и шестидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія, еще до начала реформъ, наложило на него мѣстную окраску: онъ не имѣлъ представительности православнаго священника и въ семьѣ употреблялъ въ разговорѣ польскую рѣчь.

Это послѣднее обстоятельство имѣло для него хотя и случайное, но роковое послѣдствіе; бригаднымъ командиромъ мѣстныхъ войскъ, расположенныхъ въ Петроковѣ, въ то время былъ полковникъ Бремзенъ; хотя Бремзенъ былъ лютеранинъ, но въ его время всѣ служащіе въ Царствѣ Польскомъ заботились о насажденіи православія въ краѣ и русскихъ началъ. Случилось однажды Бремзену присутствовать въ церкви не при торжественной службѣ, какъ это бываетъ въ царскіе и праздничные дни, а при отправленіи частной требы: служилась заказная панихида, и Бремзенъ пришелъ въ церковь до начала службы, когда церковь еще даже не была освѣщена. Старикъ священникъ, видя, что заказчики панихиды уже начали собираться,

обращается къ причетнику и простодушно, какъ, надобно полагать, дѣлалось имъ это и всегда, негромко говоритъ: „zaral zwiście“. Употребленіе православнымъ священникомъ въ церкви польской рѣчи сильно возмутило Бремзена, и онъ, при первомъ свиданіи въ Варшавѣ съ архіепископомъ варшавскимъ и ново-георгіескимъ Іоанникіемъ, доложилъ или передалъ при разговорѣ объ этомъ обстоятельстве. Возмутился этимъ фактомъ и преосвященный Іоанникій, аскетъ и суровый архипастырь, и вызвалъ въ Варшаву отца Матвѣя. Дѣло было зимою.

Взволнованный отецъ Матвѣй поѣхалъ въ Варшаву. Безъ сомнѣнія, отъ архипастыря отцу Матвѣю пришлось выслушать надлежащія наставленія и угрозы. Дорогою отецъ Матвѣй простудился; волненіе и простуда такъ подѣйствовали на него, что, по возвращеніи изъ Варшавы, онъ слегъ въ постель и уже болѣе не вставалъ съ нея. Съ разрѣшенія духовной власти отецъ Матвѣй похороненъ въ оградѣ церкви, у алтарной стѣны. Кстати скажу нѣсколько словъ объ архіепископѣ Іоанникіи. Архіепископъ Іоанникій, будучи въ душѣ добрымъ человекомъ, умѣлъ держать подчиненное ему духовенство въ должной дисциплинѣ. Когда онъ прибылъ въ Петроковъ, и на вокзалѣ устроена была ему торжественная встрѣча, то при выходѣ его изъ вагона присутствовавшіе на перронѣ члены церковнаго клира сотворили земной поклонъ, и онъ принялъ это какъ должное ему, благословилъ cadaго изъ членовъ причта по старшинству, спокойно, методично.

Послѣ краткаго описанія внѣшняго вида Петрокова, мнѣ слѣдовало бы приступить къ разсказу о моей службѣ въ Петроковской гимназій, но въ видахъ послѣдовательности и полноты изложенія, я считаю необходимымъ очертить сперва ту общественную среду, въ которой мнѣ суждено было прожить въ теченіе семилѣтняго пребыванія моего въ Петроковѣ.

Тонъ и движеніе петроковскому обществу давалъ губернаторъ Иванъ Семеновичъ Кохановъ, бывшій впоследствии виленскимъ генералъ-губернаторомъ. Кажется, что изъ числа всѣхъ начальниковъ губерній Царства Польскаго, Кохановъ болѣе другихъ задался цѣлью обрусѣнія губерніи и придація городу, по крайней мѣрѣ, внѣшняго облика русскаго города. Онъ строго добивался сохраненія русскимъ обществомъ и среди польскаго населенія русскихъ обычаевъ и національныхъ особенностей. Но при этомъ онъ увлекался, придавалъ слишкомъ большое значеніе наружному виду, внѣшнему оказательству.

Къ польскому населенію Кохановъ относился вообще подозрительно, но онъ очень довѣрчиво относился къ нѣмецкому населенію, видя въ нѣмцахъ образецъ лояльности и доброжелательнаго отношенія этого населенія къ видамъ и намѣреніямъ правительства. Вслѣдствіе этого и въ виду такого же доброжелательнаго отношенія къ нѣмцамъ и намѣстника Царства Польскаго графа Берга, онъ вмѣсто того, чтобы обрусить губернію, онѣмечилъ ее до такой степени, что Лодзь, Зегржъ, Сосновицы, Пабіаницы и другія мѣстности и города Петроковской губерніи по составу населенія и внѣшнему виду ничѣмъ не отличались отъ любой прусской пограничной провинціи, и въ позднѣйшее время, когда выяснилась платоничность надеждъ на вѣрность нѣмецкаго населенія русскимъ началамъ и даже явилось опасеніе, чтобы это нѣмецкое засилье, въ случаѣ осложненія нашихъ добрососѣдскихъ отношеній съ Германіей, не явилось бы аванпостомъ Германіи, были приняты мѣры къ ослабленію прилива нѣмцевъ въ губерніи Царства Польскаго и къ различнымъ ограниченіямъ ихъ фабрично-промышленной дѣятельности.

Покровительство Коханова нѣмцамъ выразилось сначала въ томъ, что, въ видахъ развитія въ губерніи промышленности и влияния среди поляковъ нѣмецкаго населенія, онъ сочувствовалъ переселенію нѣмцевъ въ мѣстности Петроковской губерніи преимущественно пограничныя, и въ центрѣ фабричной промышленности,—въ г. Лодзь. Когда я былъ первый разъ въ Лодзи въ 1866 году, этотъ городъ простирался, правда, въ длину болѣе пяти верстъ, но состоялъ изъ одной улицы.

Всѣ дома были невзрачныя, одноэтажныя, съ мезониномъ. Почти въ каждомъ домѣ былъ ручной ткацкій станокъ, вслѣдствіе этого въ лѣтнее время изъ оконъ cadaго дома несло монотонное жужжаніе веретень. Каменныхъ и двухъэтажныхъ домовъ въ городѣ было нѣсколько десятковъ, фабрикъ было не много; изъ нихъ большая только одна—Шейблера, имѣвшая около десяти тысячъ рабочихъ. Когда началось покровительство нѣмецкому населенію, нѣмцы поняли, что въ Петроковской губерніи для ихъ дѣятельности открывается золотое дно, и въ губернію нахлынули толпы нѣмецкихъ фабрикантовъ и рабочихъ, и потекли капиталы.

Фабрики, основанныя въ Петроковской губерніи, даже безъ всякаго покровительства, могли работать успѣшнѣе и продавать издѣлія дешевле, нежели фабрики московскаго и владимірскаго раіоновъ, ибо доставка машинъ изъ-за границы, пріобрѣтеніе находящагося почти подъ бокомъ донбровскаго каменнаго угля,

доставка хлопка и переселеніе рабочихъ стоили во много разъ дешевле, чѣмъ доставка всего этого въ московскій и владимірскій фабричный центръ.

Съ цѣлью облегченія нѣмцамъ-фабрикантамъ приобрѣтенія машинъ по удешевленному тарифу разрѣшалась доставка ихъ въ разобранномъ видѣ. Все это содѣйствовало пышному расцвѣту промышленности въ губерніяхъ Царства Польскаго, преимущественно въ Петроковской, вслѣдствіе этого фабрики росли, какъ грибы, города возникали на американскій ладъ, фабричная промышленность развивалась съ такою интенсивностью, что вскорѣ издѣлія лодзинскихъ и другихъ фабрикъ не только заполонили всѣ русскіе рынки Европейской Россіи, но и вытѣснили, благодаря сравнительной дешевизнѣ ихъ, издѣлія московскихъ и владимірскихъ фабрикъ и овладѣли рынками Сибири, а позднѣе Манчжуріи и Средней Азіи. Такимъ образомъ, благодаря недальновидной политикѣ администраціи Царства Польскаго, подорвано было развитіе фабричной производительности и богатства центральной Россіи: центръ Россіи началъ захудать, въ то время, какъ фабричная дѣятельность городовъ Царства Польскаго процвѣтала и развивалась съ неимоверною быстротою; особенно начали развиваться и расти города Петроковской губерніи и преимущественно центръ фабричной производительности, новый Манчестеръ—Лодзь.

Мною было упомянуто о состояніи Лодзи въ 1866 году. Къ концу XIX столѣтія по числу населенія, фабричной производительности и богатству Лодзь заняла видное мѣсто среди городовъ Россіи: въ ней было болѣе 900 фабрикъ, съ производствомъ до 40 милліоновъ въ годъ; населеніе Лодзи съ пришлымъ рабочимъ элементомъ простиралось до полумилліона.

Городъ пышно расцвѣлъ: не говоря уже о грандіозныхъ фабрикахъ, появились цѣлыя сотни великолѣпныхъ домовъ, изъ коихъ многіе не могутъ быть названы иначе, какъ дворцами, по архитектурѣ и богатству устройства и убранству; въ домѣ одного изъ мѣстныхъ богачей одна только мраморная лѣстница и мраморное убранство дома стоило 30.000 рублей; въ городѣ устроено электрическое освѣщеніе, электрическій трамвай. Городъ, имѣя огромные доходы, завелъ прекрасныя мостовныя, увеличилъ число начальныхъ училищъ, устроилъ для войскъ прекрасныя казармы, общественныя больницы и другія благотворительныя заведенія.

Въ первыя времена развитія фабричной дѣятельности фабриканты, получая огромные доходы, не скупились на пожер-

твованія съ благотворительною цѣлью, преимущественно на русское дѣло. Въ угоду губернатору и русскимъ властямъ фабриканты охотно жертвовали деньги на устройство православныхъ церквей, казармъ для войскъ, пріютовъ и другихъ учрежденій. Въ Лодзи, почти исключительно на пожертвованія фабрикантовъ, не только нѣмцевъ, но и евреевъ, построена величественная православная церковь, стоившая свыше 130.000 рублей; на такія же пожертвованія основанъ и Ольгинскій пріютъ съ церковью при немъ. Всякое желаніе русскихъ властей, даже намекъ на желательность пожертвованія на извѣстныя цѣли исполнялись фабрикантами охотно и, казалось, сочувственно. Вотъ нѣсколько примѣровъ того, какъ охотно дѣлались фабрикантами пожертвованія. Уже послѣ освященія православной церкви въ Лодзи, президентъ города Пенъковскій былъ какъ-то съ новогоднимъ визитомъ у одного изъ богатѣйшихъ фабрикантовъ.

Въ разговорѣ фабрикантъ Г. спросилъ Пенъковскаго, не нуждается ли въ чемъ церковь. Пенъковскій отвѣтилъ, что все необходимое есть, но ризница не вполне соответствуетъ великолѣпной церкви. Фабрикантъ Г. спросилъ, сколько необходимо денегъ на пріобрѣтеніе ризницы. Пенъковскій отвѣтилъ, что необходимо было бы тысячи двѣ. Фабрикантъ, ни слова не говоря, открылъ ящикъ въ письменномъ столѣ, написалъ чекъ на двѣ тысячи и вручилъ его Пенъковскому. Другой случай. Заботами попечителя Варшавскаго учебнаго округа Александра Львовича Апухтина устроена при первой мужской гимназій въ Варшавѣ чудная церковь, стоившая свыше 100.000 рублей, съ богатой ризницей, но при оборудованіи церкви не былъ пріобрѣтенъ, по недостатку средствъ, для парадной лѣстницы, ведущей въ церковь, соответствующій богатству зданія коверъ. Начальникъ лодзинской учебной дирекціи К. какъ-то въ бесѣдѣ съ лодзинскимъ фабрикантомъ ковровъ высказалъ ему свое сожалѣніе о недостаткѣ для парадной лѣстницы гимназической церкви ковра. Фабрикантъ просилъ доставить ему размѣры ковра и чрезъ нѣкоторое время приготовилъ на своей фабрикѣ великолѣпный коверъ, стоившій свыше тысячи рублей, и прислалъ его въ даръ церкви первой Варшавской гимназій.

Еще съ большею охотою фабриканты дѣлали пожертвованія для увѣковѣченія знаменательныхъ и особыхъ событій въ жизни русскаго народа, какъ, напримѣръ, чудеснаго событія въ Боркахъ и проч. Такое настроеніе фабрикантовъ невольно подкупало мѣстныя власти и побуждало ихъ видѣть въ такихъ

актахъ дѣятельности фабрикантовъ сочувствіе ихъ видамъ русскаго правительства и его цѣлямъ. Неудивительно, если и Кохановъ въ свое время видѣлъ въ такихъ актахъ проявленіе чувствъ лояльности нѣмецкаго населенія и сочувствія его русскому правительству. Но, какъ обнаружилось впоследствии, акты эти были, большею частью, проявленіемъ своекорыстныхъ видовъ нѣмецкихъ фабрикантовъ, старавшихся угодливіостью русскому правительству расположить его въ свою пользу, въ видахъ удержанія достигнутыхъ уже привилегій и пріобрѣтенія новыхъ.

Фабриканты не только охотно шли навстрѣчу стремленіямъ русскаго правительства, но еще болѣе старались угодить тѣмъ изъ представителей русской администраціи, которые не забывали собственныхъ интересовъ и не брезгали пріемомъ подарковъ, подносимыхъ имъ, какъ дань уваженія къ ихъ высокимъ качествамъ, и на память, какъ рѣдкіе экземпляры издѣлій фабрикъ. Впрочемъ, такія приношенія дѣлались фабрикантами административнымъ лицамъ и въ формахъ общепринятыхъ, какъ замаскированная взятка. При полицеймейстерѣ М., а можетъ быть еще и раньше, вошло въ Лодзи въ обычай присылать въ день новаго года полицеймейстеру, бургомистру и другимъ нужнымъ людямъ денежные знаки признательности, въ запечатанныхъ конвертахъ вмѣстѣ съ визитною карточкою, или подарки въ видѣ штукъ различныхъ матерій и фабричныхъ производствъ. У нѣмцевъ, какъ извѣстно, существуетъ традиціонный обычай дѣлать другъ другу подарки на елку. Примѣняясь къ русскимъ нравамъ, такіе подарки были перенесены на новый годъ, и по формѣ они носили невинный характеръ и имъ было присвоено названіе новогоднихъ подарковъ, а не взятокъ.

Эти приношенія вошли настолько въ обычай, что не только не тяготили приносителей, но видимо льстили ихъ самолюбію, что начальникъ не брезгаетъ ихъ подаркомъ и слѣдовательно не будетъ отказывать имъ въ своемъ благорасположеніи.

Фабриканты не любили даже тѣхъ чиновниковъ, которые отказывались отъ новогоднихъ и другихъ подарковъ. Назначенный въ г. Лодзь вмѣсто прежняго президента, небрезгавшаго подарками, Пенъковскій рассказывалъ мнѣ, что въ день новаго года фабриканты прислали ему, по бывшимъ примѣрамъ, новогодніе подарки, и что, когда онъ ни отъ кого такихъ подарковъ не принялъ, то возбудилъ противъ себя всеобщее неудовольствіе и укоръ въ гордости и въ томъ, что онъ не хочетъ

или не умѣеть оцѣнить ихъ добраго расположенія къ нему и личнаго уваженія; особенно негодовалъ одинъ изъ самыхъ крупныхъ фабрикантовъ, которому Пеньковскій при вѣжливомъ, но ясномъ письмѣ возвратилъ преподнесенный ему довольно крупный кушъ. Разъ допущенныя добровольныя приношенія легко обращаются въ поборы и способствуютъ нарушенію законовъ. Въ Ченстоховѣ уѣзднымъ начальникомъ былъ нѣкто Н. Человѣкъ онъ былъ холостой, но жилъ открыто, дѣлалъ приемы. Всѣ объясняли его открытый образъ жизни, не по средствамъ уѣзднаго начальника, тѣмъ, что ему удалось открыть въ Ченстоховѣ заграничную лотерею, воспрещенную къ обращенію въ Россіи, и конфисковать павшій на билетъ одного изъ обывателей Ченстохова крупный выигрышъ, половина котораго по закону досталась открывателю. Но какъ ни крупенъ былъ доставшійся Н кушъ изъ конфискованной лотереи, онъ не на долго давалъ ему возможность вести расточительный образъ жизни, но на долго служилъ ширмою для оправданія этой расточительности.

Прикрываясь лотерейною ширмою, Н не только не брезгалъ приношеніями фабрикантовъ, но въ корыстныхъ видахъ допускалъ нарушеніе закона объ устройствѣ фабрикъ въ Царствѣ Польскомъ. Не довольствуясь превращеніемъ Лодзи въ нѣмецкій Манчестеръ, прусскіе нѣмцы намѣтили и другіе весьма удобные пункты для устройства фабрикъ, въ мѣстности, расположенной на самой границѣ, въ узлѣ соединенія двухъ желѣзнодорожныхъ линій, ведущихъ въ Краковъ и Бреславль. По закону иностранцы не могли пріобрѣтать у крестьянъ земли для устройства на нихъ фабрикъ. Законъ обходили тѣмъ, что крестьяне отдавали нѣмцамъ свои земли во временную аренду для устройства на нихъ фабрикъ.

Уѣздный начальникъ Н оказывалъ нѣмцамъ въ этомъ отношеніи необходимое покровительство и содѣйствіе, а нѣмцы не забывали своего покровителя и давали ему возможность прикрывать неизсякаемыми свойствами конфискованной лотереи образъ жизни не по средствамъ, пока Коханову не открыли глаза на дѣйствія любимаго имъ и, правду сказать, дѣльнаго уѣзднаго начальника.

Благодаря положенному при Н заселенію Ченстоховскаго уѣзда нѣмецкими фабрикантами, въ Ченстоховѣ въ настоящее время 46 фабрикъ, съ производствомъ въ 7 милліоновъ рублей, а въ уѣздѣ свыше ста фабрикъ, конечно, преимущественно нѣмецкихъ и еврейскихъ.

Перехожу къ изложенію условій жизни русскаго общества г. Петрокова. Тонъ и направленіе общественной жизни давалъ русскому обществу, какъ я уже сказалъ, петроковскій губернаторъ Иванъ Семеновичъ Кохановъ. Губернаторъ генералъ-маіоръ Кохановъ представлялъ собою типъ придворнаго генерала; необыкновенно вѣжливый, обходительный и любезный въ обращеніи, онъ отличался изяществомъ манеръ, стройностью фигуры и военною выправкою. Особенно онъ былъ представителемъ, когда въ высокаторжественные дни принималъ парадъ войскъ мѣстнаго гарнизона, у православнаго собора. Генеральская форма стараго образца, красныя панталоны и каска съ страусовыми перьями придавали ему эффектный видъ. Онъ держалъ себя съ апломбомъ, подобающимъ представителю высшей власти въ городѣ: былъ установленъ порядокъ, что во всѣ царскіе праздники чиновники всѣхъ вѣдомствъ, до извѣстнаго класса, являлись къ губернатору въ парадной формѣ, для принесенія поздравленій съ высокаторжественнымъ днемъ. Кохановъ величественно входилъ въ залъ къ собравшимся чиновникамъ и принималъ поздравленія, но никогда не произносилъ никакихъ рѣчей; и эти приемы отличались монотонностью и безцвѣтностью: старшихъ чиновъ и начальствующихъ лицъ Кохановъ удостаивалъ нѣсколькими словами на тему о погодѣ или близкой къ этому и раскланивался со всѣми.

По окончаніи приема чиновниковъ, Кохановъ, со свитою, вмѣстѣ съ вице-губернаторомъ, губернскимъ жандармскимъ начальникомъ, правителемъ канцеляріи губернатора, полицеймейстеромъ и др. лицами отправлялся въ мѣстные храмы для присутствованія при торжественныхъ богослуженіяхъ, совершаемыхъ въ нихъ по случаю царскаго дня. Прежде всего онъ отправлялся въ синагогу, гдѣ выслушивалъ краткое молитвословіе и народный гимнъ, исполняемый хоромъ синагоги; отсюда онъ отправлялся въ кафедральный костелъ, потомъ въ мѣстную кирку, гдѣ присутствовалъ на благодарственныхъ молебствіяхъ, оканчивавшихся исполненіемъ хоромъ или органомъ гимна: „Боже, Царя Храни!“ и только, обошедши синагогу и инославные храмы, Кохановъ прибывалъ къ концу литургіи въ православный соборъ. Царскіе дни праздновались въ Петроковѣ съ возможною торжественностью; большею частью въ эти дни устраивались балы или парадные обѣды въ русскомъ собраніи, а также лѣтомъ гулянья въ убогомъ городскомъ саду, гдѣ игралъ военный оркестръ. Являются на эти торжества мѣстнымъ чиновникамъ было почти обязательно; при представленіи

чиновниковъ, Кохановъ любезно напоминалъ, что онъ надѣется еще увидѣться съ ними, а при встрѣчахъ съ семейными чиновниками предупредительно добавлялось и „съ вашей супругой“, при чемъ уклоненіе чиновниковъ и ихъ семействъ отъ участія въ представительствѣ въ праздничные и высокаторжественные дни не только не одобрялось Кохановымъ, но и вызывало его неудовольствіе, выражаемое въ тонкихъ и вѣжливыхъ замѣчаніяхъ, особенно чиновникамъ польскаго происхожденія и ихъ семействамъ, вообще во многихъ случаяхъ не находившимъ удовольствія быть въ средѣ русскаго общества и часто не сочувствовавшимъ и самой идеѣ отгвнять особеннымъ настроеніемъ торжественность царскаго дня или русскаго праздника. Такое уклоненіе чиновниковъ-поляковъ отъ участія въ мѣстныхъ торжествахъ, особенно если оно носило не случайный характеръ, а выражало систематическое нежеланіе сходиться съ русскимъ обществомъ, часто было равносильно несоотвѣтствію нахождения чиновника въ данномъ вѣдомствѣ, и, въ лучшемъ случаѣ, это оканчивалось переводомъ его въ болѣе удаленныя мѣстности уѣзднаго захолустья.

Кохановъ задался мыслию побѣдить предубѣжденность польскаго общества противъ русскихъ, уничтожить средостѣніе между польскимъ и русскимъ обществомъ и сблизить ихъ, для чего самъ онъ подавалъ примѣръ такого сближенія, приглашая на свои воскресные журфики чиновниковъ русскаго и польскаго происхожденія, и, конечно, не могъ равнодушно относиться къ тѣмъ изъ нихъ, которые вносили диссонансъ въ это дѣло, особенно, если такой диссонансъ имѣлъ характеръ преднамѣренности и предубѣжденности.

Кромѣ участія мѣстныхъ чиновниковъ въ торжествахъ по случаю царскихъ праздниковъ, были еще виды оказательства въ высокаторжественные дни—обязательные для всѣхъ обывателей; изъ нихъ наиболѣе строго соблюдалось распоряженіе объ обязательной иллюминаціи обывательскихъ квартиръ. Иллюминація состояла въ томъ, что въ каждомъ окнѣ ставились двѣ зажженныя свѣчки. Отсутствие свѣчекъ въ какой-либо квартирѣ служило признакомъ демонстративнаго отношенія владѣльца квартиры къ празднованію высокаторжественнаго дня, было актомъ неисполненія распоряженія полиціи, которая каждый разъ увѣдомляла обывателей города объ устройствѣ иллюминаціи, и такое нарушеніе обязательнаго распоряженія вызывало соотвѣтственныя репрессіи полиціи, а въ первые годы вскорѣ послѣ возстанія каралось значительными денежными штра-

фами,—по крайней мѣрѣ отсутствіе иллюминаціи на главныхъ улицахъ и въ квартирахъ достаточныхъ обывателей. При отсутствіи иллюминаціи въ какой-либо квартирѣ, къ дворнику дома являлся полицейскій, который и напоминалъ объ этомъ дефектѣ. Хотя этотъ способъ иллюминаціи былъ очень эффектенъ, такъ какъ всѣ многоэтажные дома цѣлыхъ улицъ и площадей сплошь горѣли огнями, но онъ былъ достаточно обременителенъ для жителей, ибо постановка въ каждомъ окнѣ по двѣ свѣчи, въ квартирѣ при 5—6 окнахъ вызывала расходъ около рубля, поэтому такой способъ иллюминаціи, съ благосклоннаго согласія полиціи, началъ замѣняться иллюминаціей посредствомъ сальныхъ шкаликовъ, дававшихъ много чаду, но мало свѣта. Впрочемъ, въ Петроковѣ первый способъ иллюминаціи держался дольше, нежели въ другихъ городахъ: Кохановъ часто любилъ прогуливаться со свитою по иллюминированнымъ улицамъ, поэтому, вѣроятно, полиціей не одобрялись чадающіе шкалики. Изъ всѣхъ видовъ оказательства въ высокаторжественные дни наименѣе пользовались симпатіями польскаго общества гулянья съ музыкой въ побернардинскомъ саду и балы въ русскомъ собраніи; гулянья—потому, что они происходили въ саду, отнятомъ администраціей отъ бернардинскаго монастыря, что будило въ полякахъ непріятныя для нихъ воспоминанія, а балы потому, что они соединены были съ извѣстными расходами для людей семейныхъ, а для женъ и дочерей чиновниковъ польскаго происхожденія не было особаго удовольствія танцовать преимущественно съ русскими чиновниками и говорить по-русски. Вообще, въ лучшемъ смыслѣ, безъ предубѣжденій и нерасположенія ко всему русскому, поляки чувствовали себя въ мало знакомомъ русскомъ обществѣ по пословицѣ, какъ „не въ своей тарелкѣ“.

Но, заботясь о сближеніи польскаго общества съ русскимъ, Кохановъ еще болѣе заботился о судьбѣ русскаго общества, состоящаго преимущественно изъ чиновничьяго міра, малостоятельнаго и разношерстнаго, и потому мало склоннаго къ сближенію и общительности. Чтобы дать возможность русскому обществу ознакомиться другъ съ другомъ, сблизиться и провести хотя разъ въ недѣлю вечеръ въ своей родной средѣ, Кохановъ ввелъ у себя по воскресеньямъ журфиксы, на которые приглашались не только всѣ чиновники русскаго происхожденія,—но всѣ вообще проживающіе въ городѣ русскіе люди, какъ напр. купцы, духовенство. Приемы отличались простотой и ограничивались чаемъ, послѣ котораго общество разбивалось

на группы — значительная часть садилась за зеленые столы; молодежь, во главѣ съ милой дочерью Коханова, Маріей Ивановной, устраивала игры и нешумныя развлеченія, а незначительная часть общества вмѣстѣ съ ховяйкой дома, Софіей Ивановной, женщиной этикетной и вялой, обрекалась на томительное время препровожденіе, состоящее въ избитыхъ разговорахъ на пустячныя темы. Въ 11 часовъ вечера гости расходились, при чемъ многіе, безъ сомнѣнія, оставляли гостепріимный домъ начальника губерніи не безъ радости, такъ какъ, несмотря на стремленіе Коханова соединять въ своемъ домѣ русское общество, цѣль эта не вполне достигалась имъ, причиною чего, можетъ быть, былъ онъ самъ; онъ не имѣлъ обыкновенія представлять своихъ гостей другъ другу. Это дѣлалось имъ, вѣроятно, не безъ основанія: такъ какъ Кохановъ собиралъ въ своемъ домѣ все русское общество, приглашалъ къ себѣ и начальниковъ и подчиненныхъ имъ чиновъ, занимавшихъ, хотя и не высокія, но штатныя должности, а также приглашалъ духовенство, мѣстное русское купечество и чиновниковъ, хотя и не многихъ, польскаго происхожденія, то онъ не желалъ навязывать своимъ гостямъ обязательное знакомство другъ съ другомъ, предоставляя имъ возможность знакомиться по своимъ вкусамъ и симпатіямъ.

Необходимо, хотя кратко, очертить русское общество въ Петроковѣ и составъ его. Русское чиновничье общество даннаго времени было очень незначительно, оно состояло не болѣе, какъ изъ 50 душъ, считая лицъ обоюбого пола; русскія лица занимали только должности начальниковъ отдѣльныхъ частей, преподавателей русскаго языка, исторіи и географіи въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, на остальныхъ же мѣстахъ находились поляки; даже многія начальническія мѣста занимали поляки. Такъ инспекторъ мужской гимназіи и начальница женской прогимназіи были лица польскаго происхожденія; окружныхъ судовъ еще не было, и въ Петроковѣ находился трибуналъ, весь безъ исключенія состоявшій изъ лицъ польскаго происхожденія. Кромѣ чиновниковъ русскаго происхожденія, въ Петроковѣ квартировалъ 37 пѣхотный полкъ и казачій полкъ, офицеры которыхъ состояли изъ лицъ русскаго происхожденія. Военное общество жило отдѣльною полковою жизнью. Остальные представители русскаго общества не отличались ни гостепріимствомъ, ни особенною общительностью. Многіе изъ нихъ были или одинокіе, вдовцы и холостые, или не имѣли ни средствъ, ни охоты принимать у себя гостей.

Вслѣдствіе этого, несмотря на все желаніе Коханова сплотить и расшевелить русское общество, стремленія его туго увѣнчивались успѣхомъ, и мѣстные чиновники, особенно холостые, томились порядочною скукою и однообразіемъ жизни. Это томленіе тѣмъ болѣе давало себя чувствовать, что среди прекрасной половины русскаго общества не было женщинъ, способныхъ внести оживленіе въ общество, очаровать и сплотить вокругъ себя молодежь, среди которой, особенно изъ служащихъ въ канцеляріи губернатора, были люди интеллигентные и представительные. Несмотря на то, что русскія петроковскія дамы не отличались красотой, многія изъ нихъ имѣли поклонниковъ, и флиртъ процвѣталъ въ Петроковѣ въ самыхъ широкихъ размѣрахъ. Процвѣтанію флирта, кромѣ склонности къ нему прекраснаго пола, способствовало еще то обстоятельство, что огромное большинство чиновниковъ русскаго происхожденія были люди молодые, холостые; что эти чиновники, за рѣдкими исключеніями, не сходились съ польскимъ обществомъ, не вращались среди него и не пользовались симпатіями прекрасной половины этого общества, поэтому вся атака ихъ была устремлена на дамъ русскаго происхожденія, вслѣдствіе чего между кавалерами и особенно между дамами происходило соперничество, приводившее иногда къ курьезнымъ столкновеніямъ, дѣлавшимся достояніемъ общества.

Въ порядкѣ послѣдовательности теперь необходимо мнѣ приступить къ изложенію моей службы и дѣятельности въ Петроковской гимназій, для какой цѣли слѣдуетъ сдѣлать характеристику служебнаго персонала гимназій, нравственное состояніе учащихся, ихъ познанія и развитіе и первые шаги дѣятельности моей въ этомъ учебномъ заведеніи.

Учебный персоналъ Петроковской гимназій въ данное время былъ не выше средняго уровня и между преподавателями было очень незначительное число лицъ, вполне удовлетворявшихъ своему назначенію. Во главѣ учебнаго заведенія стоялъ инспекторъ гимназій Ф. И. Дембицкій и его помощникъ по воспитательной части С. Н. Павелекъ, преподаватель греческаго языка. Дембицкій былъ человекъ добрый, но очень мягкаго характера, старый, болѣзненный и съ патріархальными привычками. Онъ не часто заглядывалъ въ гимназію, а если обстоятельства требовали присутствія его въ заведеніи, онъ не стѣснялся появляться на коридорахъ гимназій въ халатѣ и колпакѣ, съ длиннымъ чубукомъ въ зубахъ. Походивъ по коридорамъ, поворчавъ и побранивъ учениковъ за шумъ и без-

порядки, онъ отправлялся въ свою квартиру, гдѣ и оставался до новаго чрезвычайнаго выхода—на засѣданіе педагогическаго совѣта или въ канцелярію. На уроки преподавателей онъ никогда не ходилъ, никакихъ указаній преподавателямъ не дѣлалъ и никакого руководства учебнымъ дѣломъ заведенія не обнаруживалъ. Помощникъ его Павелекъ былъ старше его лѣтами, но значительно бодрѣе его.

Помощникъ инспектора Петроковской гимназіи или, какъ прежде, при реформѣ Велепольскаго, онъ носилъ титулъ—префектъ Павелекъ представлялъ типъ истаго нѣмецкаго педагога. Высокаго роста, нѣсколько сутуловатый, съ морщинистымъ лицомъ, орлинымъ взоромъ, ровный, спокойный въ обращеніи, доброжелательный къ учащимся, во все вникающій и всѣмъ интересующійся, онъ одинъ поддерживалъ порядокъ въ заведеніи и неуклонно наблюдалъ за успѣхами учащихся и ихъ поведеніемъ. Отношеніе его къ учащимся было патріархальное отечески-кроткое. Если его замѣчанія и наставленія не дѣйствовали, онъ грозилъ провинившемуся розгою и въ надлежащемъ случаѣ угрозу приводилъ въ исполненіе. Даже къ провинившемуся ученику онъ обращался не иначе, какъ отечески-кротко, со словомъ „душко“. Если „душко“ не поддавался нравственному воздѣйствію, онъ приглашалъ его въ особую спеціальную комнату; слѣдомъ за ними шелъ сторожъ, который ставилъ посреди комнаты скамейку; Павелекъ обращался къ провинившемуся со словами: „кладься, душко“; душко дѣлалъ извѣстныя приготовленія въ костюмѣ и ложился на скамейку или добровольно, или при содѣйствіи сторожа. Павелекъ произносилъ сурово: „пять“, что означало провинившемуся дать пять розогъ, число поторыхъ Павелекъ аккуратно считалъ самъ. Если удары были для провинившагося очень чувствительны или наказываемый очень жалобно просилъ прощенія и заслуживалъ снисхожденія, Павелекъ уменьшалъ число назначенныхъ ему ударовъ. По окончаніи экзекуціи „душко“ вставалъ со скамейки, приводилъ въ порядокъ свой костюмъ, подходилъ къ Павелеку, цѣловалъ его въ руку, Павелекъ, въ свою очередь, цѣловалъ наказаннаго въ лобъ, дѣлалъ ему соответственныя наставленія и предостереженія и послѣ этого и „душко“, и Павелекъ мирно разставались. Павелекъ преподавалъ древніе языки. Это былъ рѣдкій, уже и въ то время выходившій изъ обихода типъ истаго классика. Павелекъ былъ родомъ изъ Познани и изъ Пруссіи вынесъ черты нѣмецкаго педагога - классика. Въ высшихъ классахъ гимназіи древнихъ классиковъ онъ читалъ не только

съ энтузіазмомъ, но съ глубокимъ умиленіемъ: голосъ, интонація, чувство, жесты—все было употреблено имъ для воодушевленія учащихся и возбужденія въ нихъ любви къ классикамъ. Чтеніе и объясненіе въ классѣ *Иліады* Гомера было для Павелека какъ бы нѣкоторымъ священнодѣйствіемъ. Любовь его къ Гомеру была такъ велика, что, какъ онъ самъ говорилъ, онъ никогда не засыпалъ, не прочитавши предъ собою страницу изъ *Иліады*. Павелекъ былъ единственной экземпляръ истиннаго педагога-классика и педагога-систематика среди преподавателей *Петроковской* гимназій. Изъ остальныхъ лицъ учебнаго персонала *Петроковской* гимназій болѣе выдѣлялись дѣятельностью и способностями преподаватель математики *Васильковскій*, преподаватель физики *Канскій*, преподаватель исторіи *Ржечнѣвскій* и преподаватель польскаго языка *Пленкевичъ*. Всѣ вышепоименованные преподаватели, кромѣ *Пленкевича*, окончившаго главную варшавскую школу, воспитывались въ русскихъ университетахъ, поэтому порядочно владѣли русскимъ языкомъ.

Преподаватель математики *Л. И. Васильковскій* воспитывался въ *Московскомъ* университетѣ; математику преподавалъ просто, доступно пониманію учащихся, не предъявляя слишкомъ обширныхъ требованій, но добивался твердаго и основательнаго знанія главнѣйшихъ положеній науки. Вторымъ преподавателемъ математики и физики былъ *Целестинъ* *Иордановичъ Канскій*, человекъ молодой, полный силъ и энергій, и талантливый преподаватель. Онъ отличался скрытностью, сарказмомъ, но человекъ онъ былъ вообще очень хорошей и общительный. Преподаватель *Р—скій* былъ человекъ старый и болѣзаненный, много испытавшій на своемъ вѣку и разочаровавшійся въ своихъ идеалахъ; по политическимъ обстоятельствамъ онъ былъ сосланъ въ Сибирь на поселеніе; по окончаніи срока ссылки онъ былъ возвращенъ на родину и состоялъ преподавателемъ всеобщей исторіи. Предметъ свой онъ зналъ; но преподавалъ его слишкомъ нервно. Учитель польскаго языка *Р. С. Пленкевичъ*, человекъ развитой и начитанный въ польской литературѣ, слабо владѣлъ русскою рѣчью и неохотно говорилъ по-русски. Серьезнымъ преподавателемъ былъ еще пасторъ *Миллеръ*, человекъ очень общительный и хорошаго характера. Кромѣ перечисленныхъ выше лицъ преподавателями *Петроковской* гимназій состояли: учитель русскаго языка *И. М. Сладкопѣвцевъ*, латинскаго языка *Ф. О. Творковскій*, французскаго языка *Ивонэ*, нѣмецкаго *И. А. Ровецкій*;

къ составу гимназіи принадлежали еще преподаватель пѣнія Яблонскій, замѣчательный тѣмъ, что преподавалъ пѣніе, будучи глухимъ на одно ухо, и гимназическій врачъ Ѡ. А. Ронтанеръ—прекрасный человекъ и хорошій докторъ, заботливо относившійся къ ученикамъ.

Въ похвалу учителямъ Петрововской гимназіи польскаго происхожденія необходимо сказать, что они были прекрасные товарищи, жили дружно и согласно не только между собою, но относились безъ предубѣжденій и свойственной многимъ полякамъ нерасположенности къ русскимъ людямъ. Одинъ изъ болѣе развитыхъ преподавателей польскаго происхожденія однажды вполне правильно выразилъ взглядъ на тѣ отношенія, которыя должны существовать между товарищами и сослуживцами известнаго учрежденія. Обращаясь ко мнѣ, онъ однажды, при товарищахъ-полякахъ, сказалъ мнѣ слѣдующія золотыя слова: „Судьба опредѣлила намъ жить въ одномъ городѣ и служить въ одномъ и томъ же учебномъ заведеніи. Человекъ не можетъ жить одними служебными интересами; каждый изъ насъ жаждетъ сообщества, взаимности. Разъ намъ судьба назначила жить и служить совместно, то для собственнаго нашего блага и для пользы учебнаго дѣла необходимо, чтобы мы жили дружно, согласно, по-товарищески; во взаимныхъ товарищескихъ отношеніяхъ между нами не должно быть политики, какъ и національной розни; мы только товарищи и сослуживцы“. Мнѣ не приходилось болѣе встрѣчать такихъ отношеній, какія существовали въ Петроковѣ между польскими и русскими преподавателями. Образованію благопріятныхъ отношеній между польскими и русскими педагогами содѣйствовали—не только личный составъ гимназіи, состоявшій изъ умѣренныхъ и благоразумныхъ элементовъ, но и то обстоятельство, что польское населеніе Петроковской губерніи, отчасти вслѣдствіе установившагося въ этой губерніи режима, проводимаго Кохановымъ, отчасти вслѣдствіе того, что населеніе этой губерніи не было сплошное польское и между нимъ сильно было вкраплено болѣе умѣренное и болѣе корректное въ то время нѣмецкое населеніе,—не отличалось такимъ польскимъ шовинизмомъ и даже фанатизмомъ, какимъ отличалось польское населеніе Радомской или Кѣлецкой губерній.

Составъ преподавателей Петроковской гимназіи не отличался рѣзкимъ различіемъ характеровъ и взглядовъ: польскіе преподаватели, между которыми многіе окончили русскіе университеты, были люди болѣе пожилые, прослужившіе въ гимназіи значи-

тельное число лѣтъ, нѣсколько приспособившіеся другъ къ другу и другъ съ другомъ свыкшіеся; вновь же назначенные русскіе преподаватели оказались ягодами одного поля: вмѣсто ушедшаго изъ Петрокова учителя Сладкопѣвцева преподавателемъ русскаго языка, исторіи и географіи Россіи назначенъ былъ Владиміръ Тарасьевичъ Мазюкевичъ, мой товарищъ по гимназіи и университету, бывшій впоследствии директоромъ Холмской гимназіи, преподавателями же русскаго языка Петроковской женской прогимназіи назначены были студенты Кіевской духовной академіи Николай Михайловичъ Лучицкій и Никола Биничъ; послѣдній былъ обрусѣвшій сербъ. Такимъ образомъ всѣ, русскіе преподаватели мужской гимназіи и женской прогимназіи оказались земляками, а нѣкоторые и однокашниками. При назначеніи русскихъ преподавателей въ гимназіи Варшавскаго учебнаго округа попечитель округа Витте опредѣлялъ на должности, охотно, студентовъ университета св. Владиміра и Кіевской духовной академіи. Такое предпочтеніе его кіевлянамъ можетъ быть мотивировано не только тѣмъ, что многіе изъ назначаемыхъ имъ лицъ извѣстны были ему, какъ бывшему попечителю Кіевскаго учебнаго округа, такъ и тѣмъ соображеніемъ, что назначенные на должности кіевляне болѣе или менѣе сталкивались на мѣстѣ съ польскимъ населеніемъ и потому были болѣе приспособлены къ дѣятельности среди поляковъ, нежели лица, неслужившія среди нихъ и незнакомыя съ ихъ характеромъ и темпераментомъ и настроеніемъ. Колонія русскихъ педагоговъ Петроковской гимназіи вскорѣ увеличилась еще болѣе, когда вмѣсто инспектора гимназіи Дембицкаго назначенъ былъ инспекторомъ Солнцевъ, прибылъ вновь назначенный настоятель Всѣхсвятской церкви священникъ Константинъ Евсеевичъ Рышковъ, человекъ молодой, общительный, а также назначенъ былъ начальникомъ лодзинской учебной дирекціи Прокофій Тимоѣевичъ Терновскій, хотя и имѣвшій мѣстопробываніемъ г. Лодзь, но наѣзжавшій довольно часто въ Петроковъ и весьма охотно, дружелюбно и хлѣбосольно принимавшій насъ въ Лодзи, куда мы иногда наѣзжали къ нему во время праздниковъ. Такимъ образомъ, пребываніе мое въ Петроковѣ, въ смыслѣ общительности и товарищескихъ отношеній, сложилось не только самымъ благопріятнымъ, но, можно сказать счастливымъ образомъ.

Изложу нѣкоторые факты, касающіеся службы моей въ Петроковской гимназіи. Въ теченіе перваго же года моей службы въ Петроковѣ прибылъ для ревизіи гимназіи попечитель

учебнаго округа Ѳедоръ Ѳедоровичъ Витте; Этотъ прїѣздъ попечителя былъ очень грозный. Петроковская гимназія, благодаря слабости ея начальника инспектора гимназіи, не пользовалась у начальства доброю репутаціей, и попечитель прибылъ въ гимназію не безъ предубѣжденія противъ нея. Произведенная имъ ревизія вполнѣ оправдала установившуюся за гимназіей репутацію. Попечитель остался очень недоволенъ познаніями учениковъ и порядками гимназіи. По поводу ревизіи попечитель собралъ засѣданіе педагогическаго совѣта. Я полагалъ, что на этомъ засѣданіи попечитель укажетъ замѣченные имъ недостатки въ учебномъ заведеніи, дастъ преподавателямъ надлежащія наставленія и объясненія, но оказалось, что это засѣданіе было разнесомъ гимназіи и преимущественно начальника ея, инспектора Дембицкаго.

Ѳедоръ Ѳедоровичъ Витте былъ не только человекъ корректный и выдержанный, но даже въ полномъ смыслѣ этого слова джентльменъ. Рѣчь его отличалась плавностью, изысканностію выраженій; осанкѣ своей онъ старался придать важность, изящество обращенія, соединеннаго съ любезностію, хотя фигура его—высокая и худая, и косою одинъ глазъ не благопріятствовали такимъ его намѣреніямъ. Витте значительную часть своей жизни вращался въ придворныхъ сферахъ, будучи воспитателемъ дѣтей принца Ольденбургскаго. Когда онъ былъ въ хорошемъ расположеніи духа и находился въ интимной педагогической средѣ или въ избранномъ обществѣ, онъ очаровывалъ всѣхъ своимъ умомъ, своею бесѣдою, при чемъ эта бесѣда касалась преимущественно высшихъ и придворныхъ сферъ; но когда онъ былъ не въ духѣ и находился среди людей, къ которымъ былъ нерасположенъ или которыхъ не уважалъ, онъ былъ неузнаваемъ. Будучи, кромѣ того, человекомъ вспыльчивымъ, онъ иногда терялъ самообладаніе и позволялъ себѣ несоотвѣтственность своему сану и положенію возвышать голосъ на подчиненныхъ. Въ такомъ настроеніи Витте находился на знаменитомъ засѣданіи педагогическаго совѣта, о которомъ упомянуто было выше. Онъ кричалъ на нѣкоторыхъ учителей-поляковъ, особенно на инспектора Дембицкаго, говорилъ инспектору, что онъ его прогонитъ со службы. Впрочемъ, въ то время не одинъ Витте позволялъ себѣ рѣзко обращаться съ подчиненными. Нѣкоторые начальники учебныхъ дирекцій держали себя въ отношеніи подчиненныхъ еще болѣе сурово, а иногда и не вполнѣ корректно. Когда начальникъ варшавской учебной дирекціи Василій Ивановичъ Вилуевъ, прїѣхалъ въ Влоцлавскъ,

для ревизіи Влоцлавскаго реальнаго училища и былъ встрѣченъ на вокзалѣ, въ парадной формѣ, не только учебнымъ персоналомъ, но и уѣздными властями во главѣ съ уѣзднымъ начальникомъ, учитель русскаго языка Барановскій имѣлъ неосторожность поднести Вилуеву небольшую книжку своихъ стихотвореній подъ заглавіемъ: „Голосъ русскаго изъ Польши“, написанныхъ имъ на событія крымской кампаніи, то Вилуевъ въ присутствіи всѣхъ разнесъ его. Барановскій былъ старый преподаватель, прослужившій всю свою жизнь въ Царствѣ Польскомъ и при томъ въ ту пору, когда при преподаваніи русскаго языка учителя не только пользовались польскимъ языкомъ, но и говорили по-польски, поэтому нельзя удивляться тому, что такіе старые преподаватели, какъ Барановскій, не сохранили чистоты русскаго произношенія и даже могли употреблять въ рѣчи полонизмы. Когда во время представленія Вилуеву Барановскій поднесъ плоды своей музы и сказалъ при этомъ нѣсколько соответствующихъ случаю словъ, Вилуевъ, подмѣтивъ въ рѣчи Барановскаго какой-то полонизмъ, рѣзко оборвалъ его, при всѣхъ, словами: „Вмѣсто писанія стиховъ, вы лучше учитесь правильно выражаться по-русски“ и началъ читать ему неумѣстную мораль, а въ училищѣ при преподавателяхъ сказалъ Барановскому: „у васъ на плечахъ вмѣсто головы горшокъ“, впрочемъ, Вилуевымъ не было пояснено, къ какой категоріи посуды относился горшокъ, которымъ онъ снабдилъ Барановскаго вмѣсто головы. Витте, положимъ, не употребилъ такихъ выразительныхъ словъ и больше старался наводить страхъ громкимъ голосомъ и внушительностью рѣчи; произведенная попечителемъ Витте ревизія Петроковской гимназіи, помимо грозныхъ словъ, окончилась для инспектора гимназіи довольно печально: онъ былъ переведенъ инспекторомъ въ Пинчевскую прогимназію, слѣдовательно, съ пониженіемъ, а на его мѣсто инспекторомъ Петроковской гимназіи назначенъ былъ инспекторъ Пинчевской прогимназіи Семень [Федоровичъ Солнцевъ.

Съ назначеніемъ Солнцева увеличилась наша русская педагогическая семья, и измѣнились порядки въ гимназіи. Солнцевъ былъ человѣкъ еще сравнительно молодой, энергичный; онъ интересовался дѣлами ввѣреннаго ему учебнаго заведенія, во все вникалъ и давалъ преподавателямъ необходимыя указанія и разъясненія. Съ прибытіемъ Солнцева сильно увеличилась наша педагогическая общительность. Солнцевъ былъ человѣкъ семейный и, хотя собственная семья его состояла изъ одной

малолѣтней дочери, но за то у жены его было около полудюжины сестеръ, которыя частью жили въ семьѣ Солнцева, а частью навъзжали къ нему, что было весьма благопріятнымъ фактомъ въ жизни мѣстной русской среды.

Надобно замѣтить, что въ Петроковѣ въ семидесятыхъ годахъ былъ полный неурожай на барышень. Обстоятельства какъ-то такъ складывались, что мѣстные чиновники были или бездѣтны, или не имѣли, какъ говорятъ поляки, дочерей „на widaniu, поэтому главнымъ поставщикомъ невѣстъ была Петроковская женская прогимназія: стоило барышню назначить классною дамою женской прогимназіи, какъ уже черезъ полгода она выходила замужъ и разстраивала всѣ педагогическіе планы мѣстнаго учебнаго начальства, такъ какъ въ то время существовала еще тенденція, что класснымъ дамамъ не слѣдуетъ быть замужними,—изъ опасенія, что могущее быть приращеніе въ семьѣ классной дамы воочію можетъ поколебать вѣру ученицъ въ то, что дѣтей приносятъ аисты.

Гостепріимство Солнцевыхъ было не только слѣдствіемъ ихъ радушія и желанія привлечь въ свой домъ, обильный женскимъ поломъ, педагогическую молодежь, но также въ значительной степени расположеніемъ обоихъ ихъ къ висту и ерлашу. Неудивительно, что карточная игра въ то время была главнымъ средствомъ развлеченія; гдѣ бы ни собралось русское общество изъ служилаго сословія въ Польшѣ, оно всегда было разношерстное: кромѣ мѣстныхъ служебныхъ интересовъ, у него не было другихъ стимуловъ для обмѣна мыслей, для общественной жизни. Разобщенность мѣстнаго русскаго общества съ Россіей была большая: въ городахъ края не было ни магазиновъ съ русскими книгами, ни библиотекъ; довольствовались, въ области общественной и политической, скудными свѣдѣніями, сообщаемыми выходившею въ то время, параллельно на двухъ языкахъ, русскомъ и польскомъ, газетою „Варшавскій Дневникъ“, да „Правительственнымъ Вѣстникомъ“; изъ педагогическихъ изданій считались незапретными „Русскій Вѣстникъ“ и „Московскія Вѣдомости“, и эти изданія выписывались нѣкоторыми средними учебными заведеніями, выписывать же газеты и журналы на собственный счетъ не всякій могъ. Вслѣдствіе этого во время частныхъ общественныхъ собраній большинство развлекалось карточной игрою, а молодежь устраивала разныя игры, не брезгая даже жмурками. Въ играхъ иногда принимали участіе и довольно солидные люди, а въ танцахъ очень часто показывали свое искусство и люди болѣе чѣмъ солиднаго

возраста; начальникъ Лодзинской дирекціи, забывъ свою солидность, съ воодушевленіемъ отплясывалъ довольно модный въ то время нѣмецкій танецъ „гроссъ-фатеръ“.

Поступленіе мое на службу въ Варшавскій учебный округъ совпало съ временемъ начала реформъ въ учебныхъ заведеніяхъ Царства Польскаго и преобразованія ихъ въ духъ общенимперскихъ учебныхъ заведеній; предшествовавшіе же этому времени годы, благодаря разразившемуся возстанію и реформамъ графа Велепольскаго, были временемъ полного упадка правительственной системы образованія и преподаванія русскаго языка въ школахъ Царства Польскаго.

Велепольскій стремился придать образованію въ Царствѣ Польскомъ чисто польскій характеръ. Выработанный имъ уставъ объ общественномъ воспитаніи въ Царствѣ Польскомъ былъ Высочайше утвержденъ 8 мая 1862 года. Варшавскій учебный округъ въ 1862 году былъ упраздненъ, и снова восстановлена комиссія духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія. По уставу 1862 года директора гимназій переименованы были въ ректоровъ, должность инспектора гимназій упразднена и вмѣсто нея введена должность префекта, которую исправлялъ одинъ изъ преподавателей; въ гимназіяхъ вмѣсто двухъ учителей русскаго языка назначенъ одинъ, число уроковъ этого предмета сокращено съ 33 на 14; всѣ уроки русскаго языка отнесены на послѣобѣденные часы; преподаваніе славянскаго языка отмѣнено; русская исторія, какъ отдѣльный предметъ, уничтожена и соединена съ исторіей всеобщей; въ 1 и 2 классѣ преподаваніе русскаго языка узаконено на польскомъ языкѣ.

Послѣ 1862—1863 года въ правящихъ сферахъ зарождается убѣжденіе, что въ русскомъ государствѣ образованіе должно носить общегосударственный характеръ и органомъ науки въ школахъ долженъ быть языкъ государственный, русскій. Но правительство не сразу и не безъ колебаній приступило къ осуществленію задачи реорганизаціи учебнаго дѣла въ Царствѣ Польскомъ на началахъ общегосударственныхъ. Предвѣстникомъ новаго взгляда на учебное дѣло является Высочайшій указъ 30 августа 1864 года, которымъ установлены коренныя начала для улучшенія и устройства учебной части въ Царствѣ Польскомъ. Согласно этому указу Царство Польское было раздѣлено на десять дирекцій. Для управленія учебными дирекціями были назначены начальники учебныхъ дирекцій, которымъ были подчинены всѣ казенныя и частныя учебныя заведенія, находящіяся въ предѣлахъ дирекцій, ректоры гимназій переиме-

нованы были въ инспекторовъ, префекты же переименованы въ помощниковъ инспекторовъ.

5 января 1866 года послѣдовало Высочайшее утвержденіе устава среднихъ учебныхъ заведеній, приспособленныхъ къ потребностямъ различныхъ въ Царствѣ Польскомъ населеній, а именно утверждены уставы: мужскихъ гимназій и прогимназій для польскаго населенія; русскихъ мужскихъ гимназій и прогимназій для греко-уніатскаго населенія въ Царствѣ Польскомъ; главнаго нѣмецкаго евангелическаго училища въ Варшавѣ; Лодзинской нѣмецкой реальной гимназій; женскихъ гимназій и прогимназій; педагогическихъ курсовъ для польскаго населенія, такихъ же курсовъ для грекоуніатскаго и литовскаго населенія въ Царствѣ Польскомъ. Высочайшимъ рескриптомъ на имя Намѣстника въ Царствѣ Польскомъ поручено было ему принять мѣры къ скорѣйшему, по возможности, введенію этихъ узаконеній въ дѣйствіе. Хотя уставы и штаты мужскихъ польскихъ гимназій и прогимназій также Высочайше утверждены въ 5 день января 1866 года, но такъ какъ введеніе ихъ въ дѣйствіе среди учебнаго года, когда оставалось только нѣсколько мѣсяцевъ до окончанія его, могло бы нарушить прежній порядокъ ученія въ гимназіяхъ и уѣздныхъ училищахъ Царства Польскаго, то заведенія эти оставлены до конца 1865/6 учебнаго года неизменными, съ примѣненіемъ, однако же, съ начала этого года и къ нимъ, по мѣрѣ возможности, учебнаго курса, опредѣленнаго новыми уставами, чтобы такимъ образомъ приготовить эти учебныя заведенія къ имѣющему послѣдовать въ началѣ 1867/8 учебнаго года, полному преобразованію ихъ; для усиленія же во всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ Царства Польскаго изученія русскаго языка и словесности и введенія для этой цѣли преподаванія на русскомъ языкѣ исторіи и географіи, признано необходимымъ, не отлагая до слѣдующаго учебнаго года, опредѣлить тотчасъ же учителей, вызываемыхъ изъ Имперіи для преподаванія и не въ преобразованныхъ еще учебныхъ заведеніяхъ русскаго языка и словесности, а также исторіи Россіи и Польши и географіи Россійской Имперіи и Царства Польскаго.

Согласно уставу 5 января 1866 года и примѣнительно къ потребностямъ мѣстныхъ населеній учебныя заведенія на первыхъ порахъ были преобразованы слѣдующимъ образомъ: кромѣ русскихъ мужской и женской гимназій въ Варшавѣ, существовавшихъ на основаніи особаго устава (эти гимназій, на основаніи Высочайшаго повелѣнія отъ 30 ноября 1868 года, подчи-

нены попечителю Варшавскаго учебнаго округа фактически 7 января 1869 г.), Сѣдлецкая гимназія преобразована въ русскую классическую гимназію для греко-уніатскаго населенія, а Грубешовское уѣздное училище въ такую же прогимназію для того же населенія; Бѣльская 5-классная греко-уніатская прогимназія преобразована въ 7-классную гимназію и открыты въ Бѣлѣ русскіе педагогическіе курсы для греко-уніатскаго населенія. Маріампольское уѣздное училище преобразовано въ классическую гимназію для литовскаго населенія и какъ въ этой гимназій, такъ и въ Сувалкскихъ мужской и женской гимназіяхъ введено преподаваніе всѣхъ предметовъ на русскомъ языкѣ, а также устроено преподаваніе литовскаго языка для желающихъ обучаться ему. Въ смѣшанныя гимназій и прогимназій преобразованы слѣдующія гимназій и уѣздныя училища: Люблинскія гимназій, мужская и женская, Ломжинская мужская гимназія, Варшавское и Прагское уѣздныя училища и Варшавская женская 4-классная прогимназія. Во всѣхъ этихъ учебныхъ заведеніяхъ введено преподаваніе на русскомъ языкѣ. Прочія, существовавшія въ краѣ учебныя заведенія оставлены для польскаго населенія, за исключеніемъ предназначенныхъ для нѣмецкаго населенія: главнаго нѣмецкаго евангелическаго училища въ Варшавѣ и Лодзинской нѣмецкой реальной гимназій. Всего было преобразовано 32 мужскія и женскія гимназій, 12 такихъ же прогимназій и 7 педагогическихъ курсовъ, впоследствии число учебныхъ заведеній значительно было увеличено; еще въ 1866—7 уч. г. открыты педагогическіе курсы: въ поселеніи Вейверахъ (Сувалкской губерніи) для литовскаго населенія, въ м. Сѣнницѣ (Варшавской губ.), въ п. Сольцахъ (Радомской губ.) и въ с. Вымислинь (Плоцкой губ.) для польскаго населенія.

Что касается женскихъ учебныхъ заведеній, то Варшавское высшее женское казенное училище преобразовано въ шестиклассную гимназію и открыты такія же гимназій въ городахъ: Люблинѣ, Радомѣ, Плоцкѣ, Сувалкахъ и Калишѣ, согласно Высочайшему указу 30 августа 1864 года о женскихъ гимназіяхъ и прогимназіяхъ въ Царствѣ Польскомъ. Сверхъ того, изъ принятыхъ въ вѣдомство народнаго просвѣщенія, на основаніи Высочайшаго указа о римско-католическихъ монастыряхъ въ Царствѣ Польскомъ отъ 27 октября 1864 года, находившихся при этихъ монастыряхъ женскихъ пансіоновъ преобразованы въ четырехклассныя женскія прогимназій: въ Варшавѣ—пансіонъ, находившійся при монастырѣ доминиканокъ, и въ Пет-

роковѣ—пансіонѣ, находившіяся при монастырѣ сакраментокѣ, а также устроены трехклассныя женскія прогимназіи на мѣсто пансіоновъ, бывшихъ при монастыряхъ: бенедиктиковѣ въ Сандомирѣ и бернардиновѣ въ Ловичѣ. Впослѣдствіи число женскихъ учебныхъ заведеній значительно увеличено: открыты гимназіи во всѣхъ губернскихъ городахъ и многихъ уѣздныхъ; многія прогимназіи преобразованы въ полныя гимназіи.

Въ учебныхъ заведеніяхъ, предназначенныхъ для польскаго населенія, преподаваніе всѣхъ предметовъ, за исключеніемъ русскаго языка, русской исторіи и географіи Россіи и Польши, шло на польскомъ языкѣ; но это продолжается недолгое время, и правительство вскорѣ задается планомъ преобразованія учебныхъ заведеній Царства Польскаго по общеперскому типу съ государственнымъ языкомъ,—русскимъ, и съ этою цѣлью предпринимается цѣлый рядъ соответственныхъ мѣръ: такъ по Высочайшему повелѣнію 10 февраля 1868 года во всѣхъ гимназіяхъ и прогимназіяхъ мужскихъ и женскихъ введено преподаваніе физико-математическихъ и историческихъ предметовъ на русскомъ языкѣ, а затѣмъ, на основаніи такого же Высочайшаго повелѣнія 1 мая 1869 года, съ началомъ 1869—70 уч. г. введено преподаваніе на русскомъ языкѣ и прочихъ предметовъ, входящихъ въ курсъ этихъ учебныхъ заведеній, кромѣ закона Божія, преподаваніе котораго повелѣно оставить на тѣхъ же языкахъ, на которыхъ оно производилось до воспослѣдовавшаго Высочайшаго повелѣнія. Затѣмъ, согласно положенію Комитета по дѣламъ Царства Польскаго, въ 5 день февраля 1869 г. Высочайше было повелѣно отмѣнить существовавшія наименованія мужскихъ и женскихъ среднихъ учебныхъ заведеній Варшавскаго учебнаго округа русскими, польскими, нѣмецкими, смѣшанными и наименовать всѣ эти заведенія безъ исключенія, наравнѣ съ учебными заведеніями прочихъ учебныхъ округовъ: педагогическими курсами, мужскими и женскими гимназіями и прогимназіями, классическими или реальными, соответственно полу обучающихся и курсу заведенія.

Еще раньше, 15 мая 1867 г., была упразднена Комиссія народнаго просвѣщенія и всѣ учебныя заведенія въ Царствѣ Польскомъ подчинены, на общемъ основаніи, Министерству Народнаго Просвѣщенія. Исполнителемъ Высочайшихъ предначертаній и первымъ организаторомъ русскаго просвѣщенія въ Царствѣ польскомъ является Ѳедоръ Ѳедоровичъ Витте, дѣйствовавшій сперва въ должности главнаго директора, предсѣдательствующаго въ комиссіи народнаго просвѣщенія, а по-

томъ, съ образованіемъ въ 1867 году Варшавскаго учебнаго округа, въ должности попечителя. Изданнымъ 9 мая 1872 года распоряженіемъ министра народнаго просвѣщенія объ употребленіи въ стѣнахъ учебныхъ заведеній всѣми учащими и учащимися русской рѣчи и примѣненіемъ къ классическимъ гимназіямъ Варшавскаго учебнаго округа въ 1873—4 уч. г. Высочайше утвержденнаго 30 мая 1871 года устава гимназій и прогимназій вѣдомствъ Министерства Народнаго Просвѣщенія заканчивается рядъ мѣропріятій о сліянніи учебныхъ заведеній Царства Польскаго съ однородными общеимперскими учебными заведеніями, на началахъ общегосударственныхъ.

Итакъ, всѣ реформы учебныхъ заведеній въ Царствѣ Польскомъ происходили въ періодъ пребыванія моего на службѣ въ Петроковской гимназіи. Заслуживаетъ вниманія та постепенность и тѣ приемы, которые практиковались правительствомъ при производствѣ реформъ. Правительство не сразу приступило къ реформамъ, а постепенно, по мѣрѣ того, какъ учебныя заведенія болѣе или менѣе были подготовлены къ воспріятію реформъ и при томъ самыя эти реформы проводимы были, какъ частичныя мѣры, необходимыя въ цѣляхъ общегосударственныхъ, и совершались безъ предварительныхъ обсужденій и шума, подымаемаго прессою: польстивъ мѣстнымъ населеніемъ Царства Польскаго учрежденіемъ учебныхъ заведеній, приспособленныхъ къ потребностямъ населенія русскаго, русско-уніатскаго, польскаго, литовскаго и нѣмецкаго, съ введеніемъ преподаванія всѣхъ предметовъ на русскомъ языкѣ въ учебныхъ заведеніяхъ—русско-уніатскихъ, литовскихъ и смѣшанныхъ, правительство, даже если бы оно и не имѣло въ виду придать учебнымъ заведеніямъ общегосударственнаго облика, впадало въ ошибку, попадало въ тупикъ, изъ котораго не было другого выхода, какъ обращеніе къ мысли о приведеніи всѣхъ учебныхъ заведеній Царства Польскаго къ одной нормѣ, общегосударственной. Почти ни въ одной мѣстности Царства Польскаго не было населенія сплошнаго однороднаго: какъ въ мѣстностяхъ съ населеніемъ греко-уніатскимъ встрѣчалась значительная часть поляковъ, евреевъ и отчасти нѣмцевъ, такъ и въ мѣстностяхъ съ преобладающимъ польскимъ населеніемъ встрѣчались въ значительной степени другія національности, учрежденіе же въ данной мѣстности учебнаго заведенія извѣстнаго типа отзывалось неблагоприятно на интересахъ другихъ національностей и обрекало дѣтей русскаго, греко-уніатскаго и нѣмецкаго населенія на неизбѣжность обучаться на польскомъ

языкъ въ гимназіяхъ, напримѣръ, Петроковской, Радомской, Кѣлецкой и др., въ то время, когда дѣти обитателей этихъ населеній въ соответственныхъ мѣстностяхъ, пользуются роднымъ преподавательскимъ языкомъ. Кромѣ того, учрежденіе учебныхъ заведеній съ особымъ преподавательскимъ языкомъ въ извѣстныхъ раіонахъ дѣлало невозможнымъ переходъ учащихся изъ одного учебнаго заведенія въ другое того же рода учебное заведеніе, но съ инымъ преподавательскимъ языкомъ. Это весьма наглядно указывало правительству ошибку, въ которую оно впало, желая угодить народностямъ, населявшимъ Царство Польское, и не могло не привести его къ заключенію, что каждой отдѣльной народности было менѣе чувствительнымъ обучаться на русскомъ языкѣ, языкѣ общегосударственномъ, нежели поляку обучаться на нѣмецкомъ или нѣмцу на польскомъ языкѣ. Сознаніемъ этой ошибки и проникновеніемъ русскихъ правительственныхъ сферъ мыслию, что въ русскомъ государствѣ образованіе должно носить общегосударственный характеръ и органомъ науки въ школахъ долженъ быть языкъ государственный (русскій) и можетъ быть объясненъ тотъ поворотъ, который былъ обнаруженъ правительствомъ въ концѣ шестидесятыхъ годовъ въ дѣлѣ постановки образованія въ Царствѣ Польскомъ. Но самыя реформы, какъ уже было упомянуто выше, производились исподволь, постепенно, при чемъ предварительно введенія реформъ производились ревизіи учебныхъ заведеній попечителемъ и министромъ народнаго просвѣщенія, для выясненія, на сколько учебныя заведенія подготовлены къ воспріятію реформъ.

Осмотръ учебныхъ заведеній Варшавскаго учебнаго округа былъ произведенъ министромъ народнаго просвѣщенія въ 1868 году. Вслѣдствіе сдѣланнаго министромъ замѣчанія, что въ большей части осматрѣнныхъ имъ учебныхъ заведеній учащіеся, при удовлетворительномъ знаніи русской грамматики, въ чтеніи не соблюдаютъ правильности удареній и дѣлаютъ большія ошибки въ русской диктовкѣ, предписано было усилить преподаваніе русскаго языка. Принимая во вниманіе, что для учениковъ Варшавскаго учебнаго округа требуется гораздо болѣе времени на изученіе русскаго языка, чѣмъ на языкъ польскій, и находя поэтому несоразмѣрнымъ положенное по уставу одинаковое число уроковъ русскаго и польскаго языковъ, попечитель предписалъ увеличить число уроковъ русскаго языка въ каждомъ классѣ такъ, чтобы число всѣхъ недѣль-

ныхъ уроковъ русскаго языка по словесности было 31, а польскаго языка и словесности 17.

Кстати упомяну о посѣщеніи министромъ народнаго просвѣщенія Петроковской мужской гимназіи въ 1868 году. Графъ Толстой имѣлъ усталый и болѣзненный видъ и былъ суровъ, пасмуренъ, какъ и пасмурная осенняя погода, въ которую онъ прибылъ въ Петроковъ. Эта суровость не могла дѣйствовать успокоительно на начальство учебныхъ заведеній: въ Кѣльцахъ инспекторъ гимназіи, озадаченный такой встрѣчей съ министромъ, до того растерялся, что, когда министръ сказалъ: „Гдѣ третій классъ? Ведите меня въ третій классъ“, отвѣтилъ: „пожалуйте, ваше сіятельство, направо; повелъ его въ глубь корридора и довелъ чуть не до самыхъ мѣстъ уединенія, и тогда только, спохватившись, извинился, что третій классъ находится налѣво. Толстой пошелъ по коридору налѣво, и все время повторялъ фразу: „то налѣво, то направо“, пока не дошелъ до злополучнаго третьяго класса. Прибывъ въ Петроковъ и остановившись у губернатора, министръ не принялъ никакихъ обѣдовъ и пріемовъ, не удостоилъ даже инспектора зайти къ нему на завтракъ и во время большой перемѣны гулялъ за гимназіей, по предмѣстью города, несмотря на моросившій дождикъ; министръ ни съ кѣмъ не вступалъ ни въ какіе разговоры и объясненія. Ко мнѣ министръ вошелъ въ 5 классъ. Я только двѣ недѣли тому назадъ принялъ этотъ классъ отъ Сладкопѣвцева, и познанія учениковъ этого класса въ русскомъ языкѣ были крайне не блестящи. Мнѣ не хотѣлось принимать на себя отвѣтственность и, при входѣ министра въ классъ, я доложилъ его сіятельству, что я въ пятомъ классѣ преподаю всего двѣ недѣли и не могу принять на себя отвѣтственность за познанія учениковъ этого класса; министръ ничего не сказалъ на мое заявленіе, потребовалъ книгу для чтенія, заставилъ учениковъ читать, самъ исправлялъ ошибки въ удареніяхъ и затѣмъ самъ же продиктовалъ ученикамъ нѣсколько строкъ, забралъ съ собою диктовки и удалился изъ класса, ни слова не сказавши при выходѣ. Какое впечатлѣніе онъ вынесъ изъ ревизіи Петроковской гимназіи, осталось неизвѣстнымъ.

В. А. Смородиновъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).